

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Р. ЛИПЕЦ, М. РАБИНОВИЧ

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СЛОЖЕНИЯ БЫЛИН

(Вооружение богатырей)

Передают ли былины конкретную обстановку определенного времени? Можно ли установить, что это за время? Есть ли это время сложения былин? И что внесено в былины потом, в течение их многовекового существования? Чтобы дать исчерпывающие ответы хотя бы на некоторые из этих вопросов, необходимо проделать огромную работу, сравнить описываемые в былинах черты хозяйства, культуры, общественной жизни с данными письменных и вещественных источников.

Достижения исторических наук в советский период вызывают необходимость критически пересмотреть и подытожить все уже сделанное исследователями XIX — начала XX в. в области изучения русских былин.

Многие ошибки дореволюционных исследований об отражении материальной и духовной культуры древней Руси в эпосе (недооценка общего уровня культуры; неверная — обычно слишком поздняя — датировка реалий, упоминаемых в эпосе, а соответственно — и эпохи сложения былин; чрезмерно большая роль, придаваемая заимствованиям и фантастике; недоучет важности признака частоты или единичности какого-либо образа или термина в вариантах былин) в известной мере были обусловлены, помимо методологических установок ученых, ограниченностью данных по археологии и недостаточным использованием письменных источников.

Теперь в городах, где слагались русские былины и где разворачиваются основные эпические события — в Киеве и Новгороде, — проведены крупные систематические раскопки, результаты которых опубликованы в специальных исследованиях. Большое значение для изучения былин имеют и раскопки в других исторических местах древней Руси. Так, в замках Боголюбова и Вщижа найдены остатки золоченых медных кровель и другого архитектурного убранства как во дворце Дюка, с его золотыми кровлями, описание которого раньше считалось заимствованием из «Александрии». Вскрыты погребения дружинников с набором вооружения, подобного богатырскому. В Черной могиле (X в.) еще в начале нашего столетия среди множества других вещей обнаружены два рогатона — «туры рога», какие фигурируют в описании пиров князя Владимира (а даже такой вдумчивый исследователь эпоса как А. В. Марков¹,

¹ А. В. Марков, Бытовые черты русских былин, М., 1904, стр. 17.

основываясь на «изображениях и памятниках письменности», считал, что употребление на Руси рога как сосуда для напитков можно относить к XIV в., и этим отчасти подкреплял свой вывод о расцвете былин в XII—XIV столетиях). Теперь необходимо исследовать эпос в свете новых богатых данных археологии и истории.

Однако при использовании былин в качестве исторического источника надо помнить, что это художественные произведения, пережившие столетия, что древняя основа их подвергалась непрерывной переработке, а тексты известны в основном в записях XIX—XX вв.²

Для выявления черт культуры древней Руси, вошедших изначально в былины, необходима кропотливая совместная работа ученых разных специальностей — фольклористов, лингвистов, археологов, историков, искусствоведов. По существу еще только должна быть выработана методика исследования эпоса, помогающая определить в нем черты различных эпох.

В настоящей статье мы попытаемся показать на конкретном примере — вооружении богатырей, — что былины отражают историческую обстановку домонгольской Руси, хотя и несут многие поздние замены, включения и искажения.

Трудно предположить, что в былины могли быть введены искусственно архаические термины. Поэтому, в тех случаях, когда встречаются ранние и поздние термины, преимущество для хронологического приурочения должно быть отдано более раннему термину, хотя бы он и был почти вытеснен. Не менее важным признаком для определения времени сложения былин может быть и отсутствие в них того или иного явления или предмета, время бытования которого нам хорошо известно. Число сюжетов былин строго ограничено. При колоссальном количестве записей текстов исследователь не встречает в них ничего, кроме этих сюжетов и их комбинаций. Сказители не смогли ввести в сюжетику былин, например, новых способов осады городов с применением осадных орудий («пороков»), распространившихся на Руси лишь в начале XIII в. Ввести этот способ осады значило бы для них выйти за пределы варьирования традиционного сюжета, радикально менять его — и этого не случилось. Это — важное доказательство того, что жанр былин сложился в домонгольский период. Нет в былинах и применения для взрыва стен пороха. Между тем в жанре, который слагался в XVI в. — в исторических песнях, — мы видим уже органически вошедший в сюжет песни о взятии Казани эпизод взрыва стен.

Воинская тематика русского героического эпоса и его сложение в дружинной среде обусловили то, что вооружение занимает большое место в сюжетах былин, в их поэтике и реквизите.

² Авторы сознательно используют в статье тексты только из собраний былин дореволюционного времени, когда влияние книги на сказителей было несравненно меньше, чем в последние десятилетия. В основном привлекаются тексты, записанные А. Ф. Гильфердингом, как потому, что это наиболее полное собрание былин в записях XIX в., так и потому, что географически Прионежье и Заонежье лежат наиболее близко из всех мест, где зафиксировано бытование полноценного былевого эпоса, к древнему центру русской культуры — Новгороду Великому. Ведь именно из Новгорода былины и распространились на северо-восток, и поэтому можно предполагать в текстах, записанных в Прионежье и Заонежье, наибольшую сохранность древнерусской терминологии и образов.

Ссылки при цитировании текстов даются сокращенно по первым буквам фамилии собирателя; римские цифры означают номер тома, арабские — страницу: Г — «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», изд. 2-е, СПб., т. I — 1894; т. II — 1896; т. III — 1900; Гр — «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I, М., 1904; т. III, СПб., 1910; Гул — «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева», Новосибирск, 1952; КД — «Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым», М.—Л., 1958; М — «Беломорские былины, записанные А. Марковым», М., 1901; О — «Печорские былины. Записал Н. Ончуков». СПб., 1904.

Особо следует отметить, что русский эпос — не наступательный, а оборонительный, и мы нигде не найдем в нем любования губительными свойствами оружия.

Обилие и разнообразие упоминаемого в былинах оружия и использование его в сюжетах былин дают необходимый материал для сравнения с археологическими и письменными источниками, которые изобилуют данными об оружии различных времен, о его применении и отношении к нему в древней Руси.

Во многих былинах подробно описано, как именно вооружены богатыри князя Владимира. Это конные воины, одетые в кольчатую броню (иногда — латы), вооруженные копьем, мечом или саблей, луком и стрелами и палицей — булавой. Так, Илья Муромец, снаряжаясь против Калина, седлает коня, надевает «латы-ты кольчуги золоченые», берет «түгой лук» и «калены стрелы», «саблю вострую», «копье да долгомерное», «палицу военную» (Г, I, 428). В других текстах упоминаются также «меч», «булатен нож» и т. п. Богатырь — воин уже с самого рождения:

А и будет Вольх в полтора часа,	Пеленая меня, матушка,
Вольх говорит, как гром гремит:	В крепки латы булатныя,
...А не пеленая во пелену чер(в)чатую,	А на буйну голову клади злат шелом,
А не пояс[ай] во поёсья шелкóвыя,—	По праву руку — палицу...

(КД, 39—40)

О русских воинах, используя те же образы, повествует классический памятник XII в. — «Слово о полку Игореве»: «А мои ти куряни сведоми кьмети, под трубами повити, под шеломы възлелеяны, конец копия възскрмлени... луци у них напряжени, тули отворени, сабли изьострени, сами скачють акы серыи вльци в поле, ищучи себе чти, а князю славе»³.

Отметим, что такой же комплект оружия упомянут и в повествовании летописи о том, как в 968 году киевский воевода Притич поменялся оружием с печенежским князем. Печенег дал Притичу коня, саблю и стрелы и получил в обмен броню, щит и меч⁴. Таким образом, первые же сопоставления с письменными источниками позволяют предположить, что упоминаемый в былинах комплект оружия — «сбруи» богатырской восходит к X—XII вв., во всяком случае к периоду до завоевания Руси татаро-монголами. Попробуем проверить это предположение на всех видах упоминаемого в былинах оружия.

Щит — главная защита древнерусского воина, его основной отличительный признак — упоминается в былинах крайне редко. Это может быть связано с желанием подчеркнуть удаль богатырей. Но и единичные упоминания щита позволяют сделать заключение, что щит входил в комплект основного богатырского оружия. В одном сибирском варианте былины о Подсокольнике говорится, что отец его заметил

На гнедом коне млада юношу,
Из-за копья-щита не видать его.

(Гул, 79)

Во всех других случаях, известных нам, щит упоминается как символ взятия города боем. Враги, например, урочают: «Киев да щитом возьмем» (Г, I, 275). Для нас особо ценны именно выражения типа «взяти за щитом», или «взяти на щит». Это — обычный для древней Руси термин, обозначавший взятие и разграбление города. Его неоднократно употребляют русские летописи, говоря о событиях XI—XIII вв.⁵

Слово «брони», которым летописи и иные древние письменные источники обозначают личное защитное вооружение, сказителями былин не

³ «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1950, стр. 8.

⁴ «Повесть временных лет», М.—Л., 1950, т. I, стр. 48.

⁵ См., например, «Повесть временных лет» под 1116 г., т. I, стр. 200—201.

употребляется, но им известен глагол «собрунятисе» (М, 482); его, видимо, надо связывать, как это и делает А. В. Марков, с термином «бръня» (М, 576).

Другое летописное название брони — «доспех» сказители знают хорошо. Богатыри облачаются «во доспехи... да в свои крепкии» (Г, II, 67), но иногда под словом «доспех» в былинах понимается — как изредка и в письменных источниках — и все оружие, вместе взятое: Илья Муромец «брал с собой доспехи крепки богатырские» — палицу, саблю, копьё (Г, II, 25).

Что представляли собой эти брони и доспехи, нам хорошо известно. Археологи не раз находили «кольчатые брони» — большую часть рубахи из мелких переплетенных между собой колец, а также «досчатые брони», сделанные из железных пластин, нашитых обычно на кожаную основу в виде чешуи. В городах это — преимущественно обрывки кольчатой брони и отдельные пластины от доспехов, а в погребениях и на местах крупных сражений — и целые кольчужные рубахи. Находки эти датируются и X в. и более поздними периодами. В музеях сохранились кольчужные рубахи, найденные на месте Куликовской битвы, а также сделанные московскими оружейниками в XVI и даже в XVII вв. Самые же названия «кольчуга» и «латы» появляются в письменных источниках только со второй половины XVI в., вытесняя более древнее название «брони»⁶. Заслуживает особого внимания то, что сказители былин не делают разницы между этими терминами, употребляя их вместе. Это для них — пара сходных понятий, что очень характерно для эпоса, а может быть — и единое понятие. Так, Потык надевает «латы кольчуги» (Г, I, 392). Характерно, что в былинах чаще употребляются глаголы, производные от этих слов: например «обкольчужиться», «облатиться». Добрыня Никитич перед боем «стал... латиться да стал кольчужиться» (Г, I, 225), «себя стал окольчуживать» (Г, III, 37). Русские летописи не раз указывают, что кольчуги — тяжелое вооружение — надевались обычно непосредственно перед боем. Миниатюры, иллюстрирующие, правда, сравнительно поздний источник — Московскую летопись XVI в., даже изображают, как «обкольчуживается» русское войско перед Ледовым побоищем, перед Куликовской битвой. Воины вынимают кольчуги из небольших деревянных четырехугольных ящиков, в которых брони, видимо, везли в «товарах» — обозах и надевают их на себя⁷.

Для воинского эпоса характерно любованье красотой вооружения — его блеском, звоном. Сказители описывают доспехи, которые сияют, блестят; для снаряжения Ильи Муромца сказитель находит сравнение со льдом: «А-и не лёд трещит, не иглы съплются» (Гр, I, 24). Восхваление красоты доспехов в сходных образах обычно и для древнерусских памятников письменности. В Львовской летописи войско в доспехах также сравнивается со льдом: новгородцы «все во бронех яко в леду»⁸; в сказании о Мамаевом побоище говорится: «Доспехы же русских сынов, аки вода в вся ветри колебашеся»⁹.

Итак, в былинах описываются именно те брони, какие были в употреблении с X в. — кольчатые и досчатые. Ни разу не встречено упоминания о более сложных видах брони, вошедших в употребление позже,

⁶ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, М., 1959, стр. 12; М. Г. Рабинович, О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой, «Изв. Академии наук СССР», Серия истории и философии, т. V, 1948, № 4, стр. 372—374.

⁷ А. В. Арциховский, Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944, стр. 66.

⁸ «Полное собрание русских летописей» (далее цит. ПСРЛ), т. XX, СПб., 1910, стр. 130.

⁹ «Сказание о Мамаевом побоище. Повести о Куликовской битве», М., 1959, стр. 62—63.

с развитием огнестрельного оружия и хорошо известных по письменным источникам XIV—XVII вв. — байданах, юшманах, колонтарях, бахтерцах, тегиллях, зерцалах, бутурлыках, наручах и т. п. Есть лишь единичные упоминания куяка. Употребление же сравнительно поздних названий брони — «кольчуги», «латы» объясняется, видимо, влиянием московской терминологии, распространившейся на севере именно в XVI—XVII вв., после того как Новгородские земли вошли в Московское государство. В этот же период древний термин «броня», очевидно, был вытеснен из эпоса.

В былинах упоминаются шлемы богатырские — «шелом», «шишак», «железный» или «шеломчатый колпак». Голову древнерусского воина защищал именно шелом или шишак — плавно вытянутый кверху шлем, заканчивавшийся втулочкой — «шишом», куда вставляли яркие султаны — «еловцы». В том же сказании о Мамаевом побоище говорится: «шоломы злаченныа на главах их златом украшены аки заря утренняя в время ведра светящая. Яловци же шеломов их аки пламя огненно пашется»¹⁰. Соответственно, у «богатыря шишак на головы-де как огонь горит» (впрочем, как и узда, стремя, седло) (Г, III, 189—190). У знатного щеголя Дюка «на верху шелом как быдто жар горит» (Г, II, 137).

Хотя в былинах, конечно, имеет место идеализация повседневности (например, «золоченые плутивца» у невода), но признание этого аргумента при упоминании каждого предмета из золота и серебра нередко приводило в фольклористике к отказу от попыток найти подлинные прототипы этих изделий из драгоценного металла в древнерусской действительности. Шлем Ильи Муромца весит то двенадцать (Г, III, 363), то даже девяносто (Г, III, 115) пудов, а цена ему — «сорок тысяч» (Г, II, 692), согласно другому художественному приему былин — гиперболизации, но образ богатыря в блестящем шлеме вполне соответствует образу русского военачальника X—XIII вв. Вспомним описание битвы из «Слова о полку Игореве»: «Камо, тур, поскочяше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганья головы половецкыя»¹¹. Певец следит за золотым шлемом князя Всеволода Трубчевского и славит подвиги своего князя. Эти блестящие, богато украшенные шлемы хорошо известны и по сохранившимся реалиям. Достаточно назвать, например, хранящийся в Оружейной палате знаменитый шлем отца Александра Невского, Ярослава Всеволодовича, который он потерял после поражения в битве при Липице в 1216 г. Этот шлем, сейчас покрытый многовековой патиной, некогда ярко блестел, как блестят и теперь украшающие его золотые накладки — узорный околыш, образки святых у навершья и изображение в полный рост архистратига Михаила на лобной части шлема. Новейшие исследования показали, что Ярослав Всеволодович был уже не первым владельцем шлема, который, стало быть, был сделан в XII в.¹² К XII в. относится и упоминание такого же шлема в летописи, у киевского князя Изяслава Мстиславича¹³. Немецкий хронист, описывавший битвы тевтонских рыцарей с русскими в начале XIII в., отметил, что шлемы русских воинов «блестели как зеркало»¹⁴. Упомянув о блестящих шеломках и драгоценных шишаках богатырей, сказители былин ни разу не называют более поздних форм шлемов, распространившихся в XIV—XVII вв. — ерихонки, мисюрки и др.

¹⁰ «Сказание о Мамаевом побоище...», стр. 63.

¹¹ «Слово о полку Игореве», стр. 13.

¹² В. Л. Янин, О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича, «Сов. археология», 1958, № 3, стр. 54—60.

¹³ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, СПб., 1871, стр. 439.

¹⁴ «Livländische Reimchronik, herausgegeben von Franz Pfeiffer», Stuttgart, 1848, стр. 57. 60.

Среди археологических находок встречаются шлемы с «личиной» — своеобразным забралом (в виде человеческой маски), закрывающим лицо воина. Иногда на шлеме имеется пластина, закрывающая нос (как у упомянутого шлема Ярослава Всеволодовича), или кольчужная сетка — «бармица» с прорезями для глаз. В таком шлеме владельца его нельзя было узнать. Видимо, богатырские шлемы, упоминаемые в былинах, также имеют «личины» или иные забрала. Отчасти этим можно объяснить столь распространенный в былинах сюжет неузнания победителем-богатырем поверженного на землю противника, который потом оказывается зачастую даже женщиной-поляницей, будущей суженой богатыря. Подобные случаи неузнания встречаются и в летописях. Так, Ипатьевская летопись описывает, как во время одного сражения (в 1151 г.) киевский князь Изяслав Мстиславич был повергнут на землю. Лицо его, видимо, было совершенно скрыто «личиной» шлема, он не был узан и из-за этого чуть не погиб. Его нашли свои же воины и стали добивать ударами по шлему, и князь спасся только повторив несколько раз: «Князь есмь!», «Аз Изяслав есмь, князь ваш»¹⁵.

Из вооружения богатырей в былинах очень часто упоминаются копьа. Длинные копьа с наваренным сталью наконечником были чрезвычайно распространены на Руси как у пеших, так и у конных воинов с IX—X в. до XVIII в., когда они были заменены у пехоты штыками. У конницы же (казаков) длинные копьа — пики продержались до XX в. Желая показать большую численность вражеского войска, летописцы обычно писали: «были видны копьа, как лес»¹⁶. На иллюстрирующих летописи миниатюрах, а также на древних иконах неоднократно изображен такой лес копий, среди которых часто видны знамена. Былины также знают этот образ:

А й стоит как безбожный Калин царь   А й как будто мелкого лесу шумячего;
Со соёй как со ратью силой великою;   А й как знамёнъев на чистом поли
А й стоит уж как силушка на чистом поли   А й как будто сухого лесу жарового.
(Г, I, 533)

Сказители былин всегда описывают бой конных копейщиков. Копьа у них длинные, ударные, никогда не метательные. При этом длина копьа всегда подчеркнута («копье долгомерное») и даже гиперболизирована, достигая шести и даже девяти сажень.

Богатырь действует то острым, то тупым концом копьа. Илья Муромец, доехав до Чернигова и встретив вражеское войско,

Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

(Г, II, 11)

Если же богатырь хочет сохранить противнику жизнь, только сбить его с коня, то ударяет тупым концом. Так, сын Ильи Муромца бьет отца в грудь «долгим копьем тупым концом» (Гул, 80); обычный способ самоубийства богатырей, желающих смыть этим воинский позор, — броситься грудью на острый конец копьа, воткнутого тупым концом в землю (Добрыня Никитич, Алеша Попович, Дунай и др.).

Копье — необходимый атрибут сражения, и Алеша Попович, сообщая жене Добрыни ложную весть о его смерти в бою, рисует картину, как тот лежит на бранном поле «сквозь белы груди копьем проколото» (Г, II, 213). Даже во рвах — «подкопах», в которые проваливается богатырь с конем, «наставлены» «востры копьа булатные» (М, 406).

Копье служит в былинах своеобразной мерой: желая взять выкуп за пленных, богатырь втыкает копье в землю и велит его засыпать золо-

¹⁵ Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, стр. 439.

¹⁶ Новгородская I летопись, СПб., 1888, стр. 277.

том: Хотен Блудович, который враждует с матерью Чайны Часовишны,

Брал он ведь копьё буржомецкоё,
А ратовьё было девяти сажон,
Поставил тупым концом в сыру землю:
«Засыпь это ратовьё золотом-серебром,
Отдам тебе шесть сынов из полону».

(Г, III, 515—516)

В одном из вариантов былины об Илье Муромце и Соловье Разбойнике богатырь таким же способом определяет меру выкупа за пойманного разбойника (Г, II, 270).

Меч и сабля — основное вооружение богатырей, но сабля упоминается несравненно чаще, чем меч (например, в былинах, записанных Гильфердингом, меч назван десять раз, а сабля — свыше ста). Но оба вида оружия входят в понятие богатырской «сбруды», «сбруи». Если в одном тексте Добрыня берет в поход «сбрую богатырскую» — меч, лук, палицу (Г, III, 117), то в другом — черниговский князь дарит Илье Муромцу «орудию да богатырскую» — копьё, саблю (Г, I, 20).

Эти упоминания меча наряду с саблями, без существенного различия между ними, дают, как нам кажется, важное указание и на время, и на место сложения былин. Дело в том, что сабля встречается наряду с мечом уже с X в., но только в Поднепровье и в Низовских землях. Она найдена вместе с мечом в знаменитом погребении черниговского князя (X в.) — Черной Могиле¹⁷. В XI в. в юго-восточной Руси, судя по указаниям летописей, уже преобладала сабля, хотя есть и находки мечей. В новгородских же землях, в древних пределах которых и записаны известные нам былины, сабля редко встречается и в документах, и в археологических памятниках, а мечи были найдены и в курганах XI—XII вв., и в погребениях новгородских бояр XIII в., а судя по летописным данным, были на вооружении еще в XIV—XV вв. Все это указывает на то, что былины, во всяком случае так называемого киевского цикла, могли быть сложены в Киевской земле (наличие сабли), но воспоминания о мече, живые в северных русских землях, могли долго сохраняться там и в былинных текстах, когда на юге меч уже был забыт. Надо также учитывать возможность проникновения в былины «меча-кладенца» не только из сказок, но и из лубочной литературы. Однако о древности вообще понятия «меч» в былинах свидетельствует то, что меч выступает в виде «оружия вообще»: в былине об Илье Муромце, вступившем в бой, говорится:

И начал старон поскакивать,
Да копьём, мечём ён помахивать.

(Г, III, 270)

В летописи же мы читаем, что Михаил Тверской добился великого княжения своим «золотым копьём и острым мечем»¹⁸.

«Тугой лук разрывчатый», «каленные стрелы» — неременная часть вооружения былинных богатырей.

Дюк Степанович, собираясь в поездку,

Он берет себи свой тугой лук,
Да еще берет он тридцать три стрелы каленных,
А тридцать-то каленных, а три-то золоченных

(Г, II, 276)

¹⁷ Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА, вып. II, М., 1949, стр. 35. Г. Ф. Корзухина выделяет даже переходный тип оружия — меч со слегка искривленным однолезвийным клинком (См.: Г. Ф. Корзухина, Из истории древнерусского оружия XI в., «Сов. археология», вып. XIII, М.—Л., 1950, стр. 78).

¹⁸ Новгородская I летопись, стр. 161.

Луки и стрелы описаны в былинах со множеством подробностей — частью реальных, частью фантастических. Готовясь к выстрелу, богатырь

Вынимал из налушна свой тугой лук,	И потянул свой тугой лук за ухо,
Из колчана калену стрелу	Калену стрелу семи четвертей.
...А и тугой лук свой потягивает,	И завыли рога у туга лука,
Калену стрелу поправливает,	Заскрыпели полосы булатныя.

(КД, 144)

Здесь описан бытовавший на Руси уже в X в. «сложный» лук, состоявший из втулки — «кибити», в которую вставлялись два «рога». На луке были костяные или металлические накладки.

В других случаях (например, в приведенной выше былине о Дюке Степановиче) очень точно описаны стрелы — с оперением и металлическим, вернее всего стальным, закаленным («каленным») наконечником. Обычный для былин прием идеализации заставил сказителя наконечник представить позолоченным, а орлиные перья — не простыми, а чудесного орла, живущего на острове среди моря, где их собирают корабельщики и развозят по разным странам, и т. п. Упоминаются граненые наконечники стрел (Г, III, 171, 275). Сама стрела — деревянная, причем, как и другие предметы эпоса, из «кипарис-древа» (Гул, 111), привезенного с Ефрат-реки. Вспомним, что при раскопках в Новгороде найдено множество поделок из привозных южных пород деревьев (тисса, самшита, кипариса и др). Стрелы «клеяны ...клеем осетра-рыбы» (КД, 24) или «китом-рыбою» (Гул, 111). Свойственная былинам фантастика превращает особо ценные стрелы — в самосветящиеся (как светятся в былинах посохи, сбруя коня и пр.); выпустив их днем из лука, ночью можно их собрать. Среди стрел есть такие, каким «цены нет». Хорошие стрелы, действительно, весьма ценились, и это было хорошо известно слагателям былин.

При археологических раскопках древнерусских поселений и погребений среди находок часто встречаются железные наваренные сталью наконечники стрел. Достаточно упомянуть открытое в Киеве под Десятинною церковью погребение дружинника X в. В его колчане сохранилось 15 наконечников стрел, из которых, кроме одного, все боевые¹⁹. Таким образом, киевский дружинник того времени был вооружен так же, как былинный богатырь (конечно, учитывая художественное претворение в эпосе действительности). О том же говорят и многочисленные изображения лучников на иконах, миниатюрах, заставках и пр.

Интересно, что в былинах выстрел из лука иногда обозначает какое-то расстояние (например, камни отброшены на «три выстрела»). И летописи знают такую меру длины как «стрелище» (видимо — расстояние полета стрелы)²⁰.

Нож как оружие богатырей упоминается довольно часто. Наиболее интересна его функция в эпосе как рыцарского «кинжала милосердия» (*misericordia*), которым приканчивают поверженного на землю противника:

А как сел-то Подсокольнику да на белы груди,
... Загибал-то у ёго-то платьё цветное;
Хочёт пороть ёго белы груди,
Хочёт досмотрить у ёго ретиво серцо.
Захватил-то правый рукой булатен нож.

(М, 362)

¹⁹ М. К. Каргер, Погребение киевского дружинника X в., КСИИМК, вып. 5, Л., 1940, стр. 82.

²⁰ Лук и стрелы занимают из всех видов вооружения наибольшее место в сюжете былин. Но изучение сюжетов, в которых имеются мотивы состязаний в стрельбе из лука, стрельбы в вещих птиц, заговора стрелы, известные в мировом фольклоре, требует сложного сравнительно-исторического анализа, и в данной статье эта тема не затрагивается.

Подобные сцены запечатлены и в русских летописях. Так кончился известный поединок тмутараканского князя Мстислава с касожским князем Редедей во время войны 1022 г., когда, одолев противника, Мстислав «вынзе ножь, и зареза Редедю»²¹.

Ножи нередко изображались у пояса или в руках воинов и охотников на древних русских миниатюрах, на заглавных буквах и заставках рукописей, на печатах²². При раскопках изредка находят древние боевые ножи или, как их стали называть позднее, кинжалы и в особенности часто — кожаные или металлические ножны (былинны «нагалища»). Наиболее сохранный нож найден в Новгороде в слое XIV в.²³ Это оружие почти потеряло свое боевое значение с прекращением обычая начинать бой с поединка примерно в конце XIV в.

Палица в былинах обычно упоминается с эпитетами «военная», «боёвая», «булатная», иногда — «медная». Такие палицы хорошо известны по археологическим раскопкам. Это — булавы (термин, также зафиксированный в былинах), с деревянной рукоятью и набалдашником из железа, реже — из бронзы, иногда — из камня. Булавы с бронзовым шаровидным набалдашником, залитым внутри свинцом, а снаружи имеющими пирамидальные выступы, А. В. Арциховский считает характерными для Среднего Поднепровья в XII—XIII вв.²⁴ В Новгороде булавы найдены в слоях XIII—XIV вв.²⁵ В Московском государстве булавы или шестоперы (булавы с набалдашником в виде шести пластин — «перьев») в XV—XVI вв. стали уже знаком достоинства военачальника²⁶.

В былинах палица — не только сокрушительной силы оружие, которым даже сбивают кровли с домов, но и символ военного искусства богатыря и его воинственных намерений. С последним можно связать мотив, являющийся «общим местом» многих былин, но наиболее органично входящий в былинную о бое Ильи Муромца с сыном. Иноземный богатырь, появившись под Киевом, едет в чистом поле на коне, «поигрывает» палицей, подбрасывая ее под облака и подхватывая одной рукой, и «клонит» палицу на «Киев-град» и другие русские города, «на святую Русь» — требуя себе «поединщика». Аналогию этому можно видеть в воинском обычае древней Руси: князь давал знак к началу сражения, бросив копье в сторону войска противника (X век)²⁷. Следует отметить, что известен вариант былинны, где палицу заменяет копье:

А как едет дороднёй доброй молодець,
А он вострым копьём да потешантсе,
Высоко его мечот да по-под небеса,
А подхватыват да во праву руку,
А как востро копье клонит на святую Русь.

(М, 359)

В то же время фигура одинокого богатыря, разъезжающего в поле и направляющего копье в сторону русского города — образ большой эпической силы, художественное олицетворение военной угрозы, нависшей над страной.

²¹ «Повесть временных лет», т. I, стр. 99.

²² М. Г. Рабинович, Из истории русского оружия, Труды Ин-та этнографии АН СССР, н. с., т. I, М.—Л., 1947, стр. 89—90.

²³ А. Ф. Медведев, Оружие Новгорода Великого, Труды Новгородской экспедиции, вып. II, М., 1959, стр. 125. Двулезвийные ножи — «засапужники» опубликованы Б. А. Колчиным (См.: Б. А. Колчин, Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого, там же, стр. 56).

²⁴ «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1949, стр. 432.

²⁵ А. Ф. Медведев, Указ. раб., стр. 132.

²⁶ М. Г. Рабинович, Из истории русского оружия, стр. 90.

²⁷ «Повесть временных лет», т. I, стр. 42.

Очевидно, близок к палице и знаменитый многопудовый «черлёный вяз» Василия Буслаевича; в этот «вяз»

В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкова.

(КД, 61)

Генетически, конечно, палица восходит к дубине; не случайно в некоторых текстах вместо «палица боёвая» встречается «палка боёвая» (корень «пал» — общий, а суффикс «иц» в древнерусском языке был таким же обычным уменьшительным, как «к» для более позднего времени: пал-иц-а, пал-к-а). Однако для X—XIII вв. такое значение термина было бы уже грубой архаизацией (между тем в словарях к некоторым сборникам былин дается именно такое пояснение — «палица — дубина»). И «дубиночка» в эпосе выполняет уже совсем иные функции. Это — оружие случайное. Богатырь добывает ее просто на месте боя, вырывая с корнем дерево, когда у него нет никакого иного оружия. Обломок такой дубины тянет «девяносто пуд».

В этих «дубинах», может быть, следует видеть и воспоминание об «ослопах» — оружию части ополчения. В случае неожиданного нападения сильного врага спешно собирали пешую рать и вооружали ее тем, что было под рукой, и в более поздние периоды. «Пешая рать, — читаем в одной летописи XV в., — собрана на них с ослопы и с топоры и с рогатины»²⁸. Известно, что так называемая «рогатина» — короткое, крепкое, с массивным железным наконечником копье — в обычное время применялась в древней Руси для охоты на медведей, но, конечно, ее могли использовать и как оружие.

В былинах рогатина — также оружие не богатырское. Она известна только в вариантах былины о Соловье Разбойнике. Дочь его, увидев, что Илья Муромец едет к их подворью и везет отца в тороках, кидается навстречу богатырю с рогатиной сама или приказывает своим слугам:

«Вы берите-тко рогатины зверины,
... Да вы бейте мужичища деревенщину».

(Г, II, 14)

Топоры в былинах — только рабочие: плотничьи или «дроворубные» (у дружины Соловья Будимировича и Вольги). Боевые топоры в былинах никогда не упоминаются.

Во многих случаях забвения современными сказителями того, что представляло собою древнее оружие, мы встречаемся с рядом искажений и несообразностей и попытками объяснить забытое. Стрелы становятся не «калеными», а «раскаленными»; лук — даже «зеленым» (Гул, 62). Примеры почти полного забвения понятия «лук» и других предметов древнерусского вооружения особенно ярки в записях былин, произведенных в экспедициях последних лет (См. ниже статью Ю. Новикова и Ю. Смирнова, стр. 165—166).

Проникает в былины изредка и огнестрельное оружие: кремневые ружья и нарезные «пищали» (которыми пользовались сами сказители — охотники XIX в.), но это явно поздняя словарная замена. Лук упоминается вместе с ружьями: «Да ружья лука испроломаны» (Г, III, 207). Традиционная стрела, упомянутая в тексте, в следующем стихе заменяется привычной для сказителя пулей:

Он направил свою всё калену сътрелу,
Он просътрéлил у ево да всё как правой бок;
Ише вышла пуля-то всё в левой бок.

(М, 88)

²⁸ Никоновская летопись под 1444 г., ПСРЛ, т. XIII, стр. 192.

Сами стрелы оказываются не в колчане, а в «тороках». Однако самое искажение, забвение не только названий, но и функций отдельных предметов оружия и доспехов в былинах говорит о древности вхождения в эпос этого комплекса вооружения.

Из «реквизита» былинных богатырей, не относящегося уже непосредственно к оружию, следует прежде всего отметить убор боевого коня. Седлание богатырем своего коня — чрезвычайно распространенное «общее место» былин, занимающее нередко десятки стихов. Подробно описываются седло, расшитое шелками и украшенное металлом и драгоценными камнями, потники, «войлучки», подсумки и торока, шелковые поводья, плеть, узда, стремяна и конские путы, а также (единично) «булат-железные» шпоры на «сапоженьках» богатыря. Общий вид коня в его боевом убранстве прекрасно передает лаконичная фраза онежского сказителя:

Да с-под-наряду добра коня не видети.

(Г, III, 174)

Богатый набор блях, украшавших конскую сбрую, стремяна для обуви с мягкими и жесткими подошвами, железные шпоры с наваренными сталью шипами, даже конские путы со специальными замками — частая находка в археологических памятниках домонгольской поры.

Следует отметить еще «турий рог» — музыкальный инструмент, в который трубят герои былин, созывая своих товарищей (М, 81, 148). Такие «рога» из естественных рогов барана, козла, вола, а в древнейшие времена — и тура были хорошо известны в древней Руси. Они не раз упомянуты в летописях и изображены на миниатюрах²⁹.

* *
*

В былинах отразились и некоторые обычаи, связанные с оружием и воинским бытом древней Руси.

Богатырское снаряжение в них — главное достояние воина и ценная военная добыча, как это и было в исторической действительности.

Доспехи вместе с оружием передаются по наследству от отца к сыну — богатырю-малолетке. Перечисление предметов вооружения в былинах дается так же подробно, как и в сохранившихся древнерусских завещаниях. Так, престарелый богатырь Данило Игнатьевич, решившись удалиться в монастырь, оставляет вместо себя при дворе князя Владимира оборонять Киев своего двенадцатилетнего сына Михайлу:

«Ты послушай-ко, моё ты да цядо милоё,
Молодой ты Михайлушко-свет Даниловиць:
Я оставлю тебе-то да всё добра коня,
Я добра коня тебе-то всё богатырского,
Я оставлю, Михайлушко, копьё вострое,
Копьё вóстро, Михайлушко, брузамецькоё,
Я оставлю всё палицю тяжолую,
Я оставлю свою тебе саблю вострую,
Я оставлю ведь плётоцьку шолкóвую,
Я оставлю-то латы-то богатырския;
Я ведь сам пойду, Михайлушко, всё дүшү спасать».

(М, 91)

В другом варианте этой былины подчеркивается, что отрок уже научился владеть «добрым конём» и «сбруей богатырською». С обычной

²⁹ М. Г. Рабинович, Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 156—157.

для эпоса образностью, чтобы показать, насколько он уже превосходит силою своего отца, подчеркивается, что отцовские доспехи ему тесны, а оружие — слишком легко. Отец отрока говорит:

«Латы-те мои-ти ёму не сходятъсе».

(М, 403)

Между 1258 и 1268 гг., один из новгородских землевладельцев, некий Климент, составил свое завещание («духовную грамоту»), в котором распоряжается своим имуществом и, между прочим, говорит: «А Владиславу Даниловичю даю сивый жеребец. Василию, брату, даю щит воиновский или вельяминовский жеребець... Хотя после меня что останется, или лошак, или оружие, то все даю святому Георгию...»³⁰ (т. е. в Юрьев монастырь, которому Климент был должен 20 гривен серебра). Видимо, случаи передачи по наследству оружия были и раньше. Ведь известно, например, что в спальне Андрея Боголюбского хранился меч его пращера — Бориса, конечно, не только как реликвия, но и как реальное оружие. Передавать оружие по наследству, видимо, стали не ранее XI в., так как еще в X в. воинов хоронили вместе с оружием³¹.

В былинах известны и склады оружия — арсеналы — под разными названиями: «горница оружейная» (Г, II, 177), «ложня оружейная» (Г, I, 294) и др. Это помещение всегда составляет часть комплекса укрепленного жилища князя (или другого властителя), а не богатыря. Чтобы проникнуть в него и привести в негодность оружие врага, герой должен проявить крайнюю изворотливость. Согласно системе образов русского фольклора, он превращается в горностаю, который подкапывается под стену и своими острыми зубами портит все оружие, причем каждый вид — по-разному (ломает луки, перерывает у них тетивки, зазубривает сабли, вывертывает наконечники копий, сгибает дугой палицы и т. д.), или — в муравья, который пролезает туда сквозь резную подворотню или замочную скважину, а затем, уже в образе человека, делает свое дело.

В классическом виде этот мотив известен в былине о Волхе-Вольге, откуда, вероятно, перешел в более позднюю былинную о наезде на Русь братьев Ливиков или Литвиков, где в роли оборотня выступает князь Роман Бранский, который и изгоняет королевичей из захваченных ими владений его сестры. (Поэтому склад оружия в этой былине можно также считать русским).

Такую «горницу оружейную» легко сопоставить с арсеналом в замке Андрея Боголюбского, где хранилось оружие младшей дружины; была там и конюшня для их коней³². Великий князь киевский, видимо, еще в XI в. имел в своем распоряжении солидные запасы вооружения. Во всяком случае, летопись сохранила известие о том, как киевляне в 1068 г., желая отразить опасность захвата города половцами, обратились к князю Изяславу: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними. Изяслав же сего не послуша»³³, — боясь вооруженного народа больше, чем половцев.

В некоторых былинах смутно проступает отзвук того, что из княжеского склада получают вооружение не только богатыри, т. е. дружина,

³⁰ М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина, Два памятника новгородской письменности, М., 1952, стр. 13—14.

³¹ Мы не останавливаемся в данной статье на обрядах погребения дружинников, что также отражено в былинах, так как это — особая тема, заслуживающая специального исследования. Отметим лишь, что погребение богатыря Михайлы Потыка в полном вооружении, с конем, в срубе, под насыпным курганом, — т. е. по обряду, сохранившемуся в древней Руси не позднее X—XI вв., является лишним доказательством сложения былин как жанра в домонгольский период.

³² «История культуры древней Руси», т. I, стр. 228.

³³ «Повесть временных лет», т. I, стр. 114.

но и народное ополчение. Илья Муромец, выпущенный из темницы, иногда подбирает себе коня и вооружение из «дворовой» князя (Г, I, 185), как и богатырь-малолетка, еще не имеющий своего оружия (Г, II, 180—181); при этом кони оказываются слабы, а оружие слишком легко для них. В образе Василия Игнатьевича обычно видят представителя демократических низов, из которых князь Киева и других городов собирали народное ополчение в момент наибольшей военной опасности. В былине есть и конфликт между Василием Игнатьевичем и боярами, и обращение к нему князя Владимира. Но находят Василия Игнатьевича князь или его посланные в кабаке. Поэтому обычно его оружие заложено у целовальника, и князь выкупает его для Василия или велит вернуть «безденежно». В некоторых же вариантах он получает коня со всем снаряжением и оружие во дворе князя, из его запасов:

Выходит Васинька — голь кабацкая,
Выходит ко князю на конюшню.
... Выбрал он по себе коня доброго,
... Берет палицу боевую в пятьдесят пудов.

(Гул, 117)

Вызов князем воина из народа упомянут в летописи (Владимир нашел таким образом знаменитого Яна Усмаря, впоследствии упоминаемого теми же летописями уже в качестве воеводы)³⁴. Известны и случаи приглашения князем на войну ополчения того или иного города (например, Мстиславом Удалым — новгородцев). Оборона же города была обязанностью как княжеской дружины, так и городского войска, которые могли действовать совместно³⁵.

В былинах можно обнаружить отражение некоторых особенностей боевой тактики древнерусского войска в домонгольский период, связанных отчасти с видами вооружения и способами его применения. Это «дел» трех богатырей перед боем, кому ехать «серёдкой, самой матицей», кому «в руку правую», кому «в руку левую» (О, 140), что можно сопоставить с делением древнерусского войска на «чело» (центр) и «крылья» (фланги) еще в XI в.³⁶. Упоминание «паробка», который «служит» Алеше Поповичу и спрашивает его, что «велишь?» (КД, 70, 132), сопоставимо с летописными терминами «дети», «отроки», «паробки» в значении младшей дружины князей и бояр. Поединок богатырей («общее место» былин) сходен с поединками между двумя сильнейшими воинами или военачальниками перед началом общего сражения или в замену его, которые не раз зафиксированы летописями под 992, 1022 годами, последний раз — под 1380 годом³⁷. Дразнение противника перед боем, с целью вызвать его на нападение (тоже «общее место» былин с рядом устойчивых формул и вариантов), — обычай, не раз отраженный и в летописях, например, под 1016, 1018, 1216 годами³⁸.

Таким образом, анализ вооружения богатырей и некоторых воинских обычаев, описанных в былинах, приводит нас к выводу, что — по крайней мере в этой области — былины отражают конкретную обстановку Киевской Руси до нашествия татаро-монголов, т. е. X—XIII вв. Некоторые термины, обозначающие оружие того же времени, попали в былины позднее — в XVI—XVII вв. Отдельные понятия могли быть включены в былины только в XVIII—XIX вв., но их немного и они легко могут быть выделены.

³⁴ «Повесть временных лет», т. I, стр. 84. См. также т. II, стр. 354.

³⁵ «Новгородская I летопись», стр. 146, 244.

³⁶ «Повесть временных лет», т. I, стр. 100.

³⁷ «Повесть временных лет», т. I, стр. 84, 99; «Повести о Куликовской битве», М., 1959, стр. 68—69.

³⁸ «Повесть временных лет», т. I, стр. 96, 97; «Новгородская I летопись», М.—Л., 1950, стр. 56.

Подобное же рассмотрение других сторон материальной и духовной культуры древней Руси, отраженных в былинах, даст возможность произвести конкретный исторический анализ текстов и определить время сложения былин как жанра. Это, в свою очередь, позволит использовать русский эпос как исторический источник, особенно в области общественных отношений и мировоззрения народа.

Одной из очередных задач в этой области является комплексное изучение путей распространения былин и областных традиций, с широким применением картографирования³⁹.

SUMMARY

Studies of the reflection of the material culture of Old Russia in Russian epos should be carried on in a co-ordinated way by specialists in different historical sciences (folklore specialists, archeologists, historians and linguists), who should take into account the specific nature of the bylinas as a genre of oral folk art.

An analysis of the text of the bylinas and their comparison with Old Russian archeological and written sources show that the bulk of the bylinas conveys the life of the «Rurik Empire» — i. e. of the pre-Mongolian stage of Kiev Russia, although the bylinas bear traces of later-day replacements, insertions and distortions.

The dating of the main cycles of the bylinas provides a concrete basis for the study of the bylinas themselves and also renders them a valuable historical source.

The fact that Russian heroic epics deal with military themes lends great importance to analysing all mention and occurrence in the plot of the bylinas of the warriors' arms, the wielding of these arms, etc.

A consideration of the different types of armour and weapons mentioned in the epics warrants the conclusion that the main types of defensive and offensive weapons in the bylinas are characteristic of 10th-12th centuries Russia; certain types of weapons are characteristic of the 14th century, with only a few items characteristic of the 15th-16th centuries. The mention of arms contemporary to the time of the recording of the bylinas (19th-20th centuries) is a patent anachronism which is easily discovered in the process of investigation.

³⁹ Такой опыт был в свое время проделан А. Д. Григорьевым. (См. указ. раб., т. III).

Отметим кстати, что в последние десятилетия составители сборников былин настолько мало интересуются конкретно-исторической обстановкой, отраженной в эпосе, что перестали даже снабжать их предметными указателями. Это сильно затрудняет работу над изучением былинного реквизита. Такие указатели были некогда очень удачно составлены Н. В. Васильевым для сборников Гильфердинга и Маркова. К этому необходимо вернуться, как и к именным указателям.